

Ректор Российского исламского университета Рафик Мухаметшин в беседе с корреспондентом сайта Slon.

В Татарстане есть разные течения, но нет организованного идеологического движения против традиционного Ислама", – говорит он.

– Насколько силен в Татарстане конфликт между мусульманскими течениями?

– Никакого заметного конфликта нет. В отличие от Северного Кавказа грань между различными течениями здесь особо не прослеживается. Да, в Татарстане есть разные течения, но они не существуют в виде каких-то организованных групп. Это отдельные личности, они высказывают свои взгляды, но умеренно. В Татарстане нет организованного идеологического движения против традиционного Ислама.

– Вы имеете в виду ваххабитские организации?

– Да. В девяностые годы, когда началось исламское возрождение, сюда приезжали преподаватели, открывали медресе, которые функционировали за счет зарубежных мусульманских организаций. Мы все время говорим, что традиционный Ислам в России имеет тысячелетнюю историю. Но в советское время мусульманское духовенство представляли необразованные бабай, которые сидели в мечетях, да и сегодня сидят и для молодежи олицетворяют некую совокупность обычаев и обрядов. Влияние оттуда более привлекательно – это современные проповедники, образованные, которые хорошо знают арабский язык. И поэтому в обществе формируется иллюзия, что наши обычаи устарели, они далеки от Ислама, а истинный Ислам – вот он, на родине пророка Мухаммеда. Но это не доходит до формирования радикальных течений, просто акценты постепенно сместились в направлении нетрадиционных ценностей. Ситуация осложнилась еще тем, что произошло идеологическое слияние нескольких течений. Намаз они читают по ханафитскому мазхабу, а идеологически придерживаются салафитского течения. Полноценного кондового салафита, какие встречаются на Северном Кавказе, среди татар найти сложно. И когда спрашивают, мол, где ваши ваххабиты, я теряюсь, что ответить. Это феномен центральной России, а не только

нашей республики.

– Есть ли опасность новых терактов на религиозной почве?

– Я не думаю, потому что реальной почвы нет. Все в недоумении после недавнего теракта. Когда мы говорим про радикализацию в обществе – это не только идеология, это и экономические проблемы, и нерешенные социальные вопросы. А мы знаем, что Татарстан – один из наиболее благополучных регионов, то есть социально-политической подоплеку для радикализации нет. Но и идеологических нет – Татарстан является наиболее толерантным регионом, где никогда не было межконфессионального противостояния. И я не думаю, что отдельно взятое событие станет толчком к радикализации.

– Какие версии по поводу причин теракта наиболее популярны в городе?

– Версии две: идеологическая и экономическая – и, видимо, отрабатываются обе. Насчет экономической подоплеку убийства Валиуллы Якупова говорить сложно – бизнес-проектами Духовного управления мусульман он не занимался. И, если это не ложный след, остаются только идеологические причины. Он действительно занимал радикальную позицию с точки зрения традиционных ценностей, неоднократно очень жестко высказывался на эту тему. Ему принадлежит заявление, что в России надо принимать закон, запрещающий ваххабизм. В 2010 году он заявил в СМИ о возникновении некоего ваххабитского холдинга – имея в виду слияние административных и религиозных структур. Он открыто говорил, что ваххабитов, к сожалению, поддерживают довольно высокие структуры, в том числе силовые. Он был руководителем издательства, которое выпускало очень много традиционной исламской литературы – другого такого издательства в России нет. У него оптом закупали книги все мечети центральной России. То же самое можно сказать и о муфтии – когда он был избран, у него были довольно смелые высказывания. Он принимал и кадровые решения, идеологическая подоплека которых была на поверхности, и это вызывало недовольство у официальных лиц, которые работали в разных духовных структурах.

– Кто-то из них мог быть заказчиком теракта?

– Это было бы слишком громко сказано, я пока не стану это комментировать. В любом случае это недовольство не было оформлено в виде радикального организованного подполья.

– *Есть версия, что теракт организован кем-то извне.*

– Из других стран – однозначно нет. Правда, "Кавказ-центр" в последнее время начал писать, что на Среднее Поволжье надо обращать внимание, создавать специальную структуру, которая бы им занималась. Но какого-то кавказского следа в Татарстане заметно не было. Преподавателей вузов и миссионеров из-за рубежа у нас уже почти нет. Остались только выходцы из арабских стран, которые получили российское гражданство и тут работают.

– *Экономическая версия связана с мечетью Кул Шариф?*

– Нет, это не обязательно Кул Шариф. Следствие прорабатывает версию, связанную с организацией хаджа. В СМИ прозвучало, что 150–200 миллионов рублей в год проходят через компанию, которая им занимается. Но что остается в доходе? Два миллиона долларов – это не тот бизнес, из-за которого нужно убивать.

– *Отъезд имама Кул Шариф Юнусова в Великобританию мог быть связан с последними событиями?*

– Я думаю, что он с ними никак не связан. Разве человек будет демонстративно куда-то уезжать в такой ситуации? Его поступок все и будут трактовать в связи с этим событием. Поездка, очевидно, была запланирована заранее.